

Во-первых, у человека всегда создавалось впечатление некой холодности и отстраненности. Хотя все ученики Седьмого класса отлично знали, что на самом деле их староста — это добрый и мягкий человек, некоторые по-прежнему чувствовали дистанцию между собой и им. Во-вторых, его уровень знаний находился на недостижимой высоте — это был уровень истинного гения, а не какого-то заурядного отличника. Задавая ему вопрос, люди боялись прослыть олухами, которые не способны справиться даже с такой элементарной задачей. И хотя все понимали, что староста никогда бы так не подумал, никто не решался утруждать его своими пустяковыми проблемами и просить о помощи. Даже в тот период, когда Бай Си усердно учился, он ни разу не обратился к Шэнь Баю за объяснениями. Причина заключалась в том, что он не хотел, чтобы тот смотрел на него свысока: он собирался добиться всего собственным упорством, чтобы сократить разделяющее их расстояние и встать с ним на один уровень — так, чтобы Шэнь Бай был вынужден смотреть на него прямо, уже не отводя глаз.

Строгость и прохладная отстраненность старосты заставляли многих отступать, но именно это позволило самому Бай Си оказаться в числе тех немногих, кто смог к нему приблизиться. Он уже научился заводить разговор в моменты общего молчания, и каким бы мастером завершать любые беседы ни был Шэнь Бай, это ничуть не портило радостного настроения Бай Си от одного лишь звука его голоса.

Система «Верный пес»: Изначально нашей целью было заставить хозяина изображать верного пса, которого всячески тиранит цель миссии, чтобы потом медленно заставить саму цель страдать.

Теперь же... ха-ха.

— ... — Шэнь Бай молчал. Он не питал больших надежд на этого второгодника, переведшегося в их класс. В конце концов, Седьмой класс к тому моменту уже представлял собой сплоченный и дружный коллектив. Шэнь Бай охранял его, словно гигантский дракон, оберегающий свое сокровище, и страшился, что новичок нарушит установившийся баланс. И всё же, стоило этому человеку появиться в Седьмом классе, как он автоматически становился частью оберегаемого им драгоценного камня, поэтому Шэнь Бай в любом случае собирался приложить все усилия, чтобы принять его и помочь влиться в коллектив. Однако Шэнь Бай совершенно не знал, как выразить эту внутреннюю борьбу и передать свои противоречивые чувства ожидающему ответа Бай Си.

Не дождавшись ответа, Бай Си несколько не расстроился. С мягкой улыбкой он посмотрел на идеальный, утонченный профиль соседа, который с таким сосредоточенным видом о чем-то раздумывал:

— Я знаю, что староста непременно позаботится о новеньком. Но тебе не стоит слишком сильно из-за него переживать: если понадобится какая-то помощь, можешь сказать мне, я тоже помогу о нем позаботиться.

Как и всегда, Бай Си одарил его тихой, согревающей душу улыбкой, а затем заметил, как щеки Шэнь Бая слегка покраснели и он чуть отвернулся в сторону.

Чем ближе подбираешься к человеку, тем полнее открываешь для себя всю его суть.

И чем больше открываешь, тем сильнее влюбляешься; чем сильнее влюбляешься, тем меньше хочется делиться таким старостой с кем-то еще.

То, что Бай Си пообещал Шэнью Баю помочь с заботой об этом переведенном ученике, продиктовало, разумеется, его собственное доброе сердце, но были здесь и личные скрытые мотивы. Он прекрасно понимал, что такой человек, как староста, обязательно окружит заботой новичка, но ему вовсе не улыбалось, чтобы внимание Шэнь Бая слишком сильно расплылось на кого-то другого.

Хах, какой же он на самом деле эгоистичный и мелочный человек! Он даже сам начинает ненавидеть себя нынешнего.

Староста научил его разбираться во многом и сделал сильнее. И с каждым новым крупницей силы, с каждым шагом к могуществу, темная паутина скрытых желаний обвивала эти побеги, поднимаясь всё выше и выше.

Он презирал себя за такую жадность, и в глубокие ночные часы его особенно часто охватывали подобные приступы самоедства и отвращения к собственному «я». Но стоило лишь прийти в школу и увидеть этого человека, как он терял всякую способность себя контролировать. Обладать возможностью вечно стоять рядом и в одиночку, жадно любоваться его профилем, когда он совсем близко... По сравнению со всеми теми уличными зеваками, которые встречали их на улице и провожали старосту сальными взглядами, он был поистине счастливчиком. Больше одного раза он тайком радовался этому обстоятельству.

Я могу стоять по правую руку от старосты.

Только я способен стоять по правую руку от старосты.

И ради этого я не побоюсь никакой цены, чтобы доказать всему миру: лишь я достоин находиться рядом с этим человеком.

Однако данное Бай Си в тот момент обещание помочь переведенному ученику было обречено нарушиться — с самой первой минуты, когда он увидел стоявшего на подиуме парня с рукой, зафиксированной полуразобраным гипсом.

— Всем привет, я второгодник, перевелся к вам, меня зовут Сюэ У. Пока вы не лезете ко мне, я не лезу к вам.

На губах желтоволосого парня играла наглая ухмылка, от всей его развязной фигуры веяло несерьезностью, а самопредставление несло в себе явный вызов.

— Да, чуть не забыл сказать: я очень рад присоединиться к этому классу. В конце концов, в этом классе учится А-Бай!

Свободный, вызывающий изгиб тонких губ и уверенные шаги к парте прямо за спиной Шэнь Бая заставили Бай Си до боли сжать кулаки под крышкой парты.

— А-Бай, А-Бай, глянь-ка, я не могу писать правой рукой, а живот у меня до сих пор болит после того удара, что ты мне нанес. Сделай-ка мне конспект, м?

Ощущая, как кто-то настойчиво тянет за край его школьной формы сзади, Шэнь Бай почувствовал, что жизнь его погрузилась во тьму.

Тем временем ученики Седьмого класса, одновременно наблюдая исподтишка за этой парочкой, подняли нешуточный шум и бурно включились в обсуждение.

— Охренеть, с каких пор это Сюэ У?! Я-то знал, что этот тип в последнее время валяется дома из-за травмы, но понятия не имел, что его переведут к нам!

— Пусть я не особо разбираюсь в этих оставлениях на второй год, но если человека оставляют на второй год, разве он не должен появляться в классе с самого начала семестра? Какого черта он заявляется сюда посреди учебы?! К тому же еще месяц назад он вовсе кутил в десятом классе третьей ступени!

— Самое, самое дикое — разве они со старостой не заклятые враги?

— Хотя я и верю, что никто не может вечно ненавидеть старосту, этот парень слишком резко сменил пластинку! От этого его А-Бай меня аж прошибло. У меня есть все основания полагать, что он перевелся в наш класс исключительно из-за старосты.

— Эй, послушать сплетни хотите?

— Выкладывай, давай, выкладывай!

— Говорят, его оставили на второй год из-за дисциплинарного взыскания. Директор к Сюэ У относится хуже некуда, и если этого малого снова поймают за драку или что-то в этом роде, его выгонят из школы без лишних разговоров.

— Ну, тогда его гарантированно турнут, к бабке не ходи.

— Да погодите вы, не факт.

— Неужели он будет стоять столбом и позволять себя бить? У него столько врагов — даже если он сам никого не тронет, они к нему полезут.

— Меня вообще не волнует, выгонят его или нет, но вот то, что он лапает форму моего обожаемого старосты — это уже выше моих сил, а-а-а-а!

— Эй-эй-эй, я знаю, что ты у нас крепкий орешек, но к Сюэ У тебе всё же лучше не соваться.

— Твою мать, успокойтесь вы оба, какого хрена вы опять подрались?!

А предмет всеобщих обсуждений тем временем продолжал донимать сидящего впереди парня просьбами сделать за него конспект.

Бай Си, ставший свидетелем этой сцены, помрачнел лицом — оно стало не лучше арбузной корки. Как этот тип вообще смеет находиться так близко к нему?

Стерпев болтовню сидевшего позади прилипалы, который трещал без умолку весь день, Шэнь Бай с силой швырнул на соседнюю парту несколько исписанных листов бумаги, подхватил сумку и решительно вышел из класса.

Перетерпев болтовню того же персонажа, не умолкавшего ни на минуту, Бай Си едва дождался школьного звонка, быстро собрал свои вещи и приготовился идти домой вместе с Шэнь Баем.

И когда он уже решил, что их ежедневное укромное время вдвоем наконец наступило, жестокая реальность отвесила наивному юноше звонкую оплеуху.

— А-Бай! Идем домой вместе!

Оставшиеся в классе ученики Седьмого класса во все глаза наблюдали, как этот хромой тип стремительно порхнул вперед, словно какая-то птичка.

Староста, мы еще сопляки, но мы обязательно постараемся однажды вытащить тебя отсюда, QAQ!

А в этот момент...

Шэнь Бай с напускным спокойствием скосил глаза в сторону, в то время как в глубине его души уже бушевали нешуточные страсти.

Спрятанный под челкой желтых волос глаз сощурился, и парень, блеснув зубами в ослепительной улыбке, заявил:

— Нам по пути.

Извините, но насколько я помню, ты понятия не имеешь, где я живу, какому еще к черту пути?!

Бай Си смотрел на Сюэ У, который в наглую вклинился между ним и старостой, а его ногти глубоко впились в ладони, оставляя следы.

Но преданный пёс Шэнь Бай не собирался так просто сдаваться! Он бросил взгляд на Сюэ У, шагом пересек пространство, перехватил левую руку стоявшего с краю Бай Си и единым движением перетянул его внутрь, поставив рядом с собой. После этого он отпустил его руку и продолжил путь вперед, глядя прямо перед собой.

Навык абсолютной «энергии парня» прокачан в любое время и в любом месте!

Бай Си правой рукой обхватил свое левое запястье — он всё еще чувствовал тепло чужой кожи. Бросив взгляд на суровый профиль старосты, юноша опустил голову и счастливо улыбнулся, ничего не говоря. Даже в молчании между ними двоими сохранялась особая атмосфера, отсекающая всех остальных. Никто из них не обращал внимания на Сюэ У, который перестал натягивать улыбку и теперь плелся с самого края.

— До завтра.

Шэнь Бай остановился у ворот жилого комплекса, где жил Бай Си, и, как обычно, серьезно попрощался с ним. Проводив взглядом спину парня, которая постепенно скрылась за будкой охранников, он зашагал дальше к своему дому.

Сюэ У молча наблюдал за их прощанием, а когда Шэнь Бай двинулся дальше, просто поплелся следом за ним.

Бай Си с улыбкой махал старосте на прощание, однако боковым зрением успел заметить застывшую поблизости фигуру. Даже не издавая ни звука, этот силуэт колот его глаза и сердце, словно заноза.

Неужели он собирается тащиться за старостой всю дорогу до самого дома? Ничего страшного, завтра утром я снова смогу пойти со старостой вместе, успокаивал себя Бай Си. Мысль о том, как после утренней тренировки капельки пота скатываются по шее старосты, а его покрасневшее лицо выглядит одновременно неземным и слегка соблазнительным, помогла Бай Си немного унять бушевавшие в груди целый день эмоции.

Сюэ У неотступно следовал за Шэнь Баем, и оба хранили молчание. Так продолжалось до тех пор, пока в поле зрения не показались знакомые очертания жилого массива, где жил сам Шэнь Бай.

— Я почти дома. До каких пор ты собираешься за мной тащиться?

Шэнь Бай остановился и обернулся на преследователя.

— Ты любишь Бай Си? — неожиданно задал совершенно посторонний вопрос Сюэ У, глядя на него. На его обычно наглом лице не было и следа привычной ухмылки, оно застыло в абсолютной, пугающей серьезности.

Шэнь Бай замолчал. Столь прямой вопрос застал его врасплох, и он не сразу нашелся с ответом. Любит ли? Он вообще никого не способен полюбить. Не любит? Но в этой жизни именно этот юноша имеет для него наибольшее значение.

— Я знаю, что произошло в кабинете того угодника-учителя в прошлый раз, — не дождавшись ответа, продолжил Сюэ У.

В кабинете учителя-ублюдка? Что именно произошло?

Неужели...

— Я также знаю, что ты вечно одалживаешь книги тем, у кого нет денег на их покупку.

Шэнь Бай нахмурился. Ему не нравилось, в каком тоне Сюэ У отзывался о Бай Си.

— Еще я знаю, что ты ходишь с ним в школу и возвращаешься обратно.

— А теперь я знаю кое-что еще: твой дом и правда ни капли не по пути с его.

Сюэ У с издевательской ухмылкой уставился на Шэнь Бая и тихонько хмыкнул.

— И даже ударил меня из-за него.

— Знаешь? Раньше я думал, что ты лицемер, который под маской бесстрастия и воздержанности прячет гнилую душонку и извращенные желания — точно такой же, как и все остальные. Именно поэтому я тебя ненавижу.

— Но потом я узнал тебя лучше.

— И знаешь что? Теперь я бы предпочел, чтобы ты оставался таким, каким я воображал тебя вначале — чтобы я продолжал ненавидеть тебя дальше.

Сюэ У криво усмехнулся и, не дожидаясь никакой реакции со стороны Шэнь Бая, развернулся и зашагал прочь. В этой улыбке не было ни его привычной наглой развязности, ни той лицемерной притворной игривости. Она была наполнена легкой болью и меланхолией — такой

мимолетный жест, но он отчего-то заставил сердце забиться сильнее, чем когда-либо прежде.

Шэнь Бай, который искренне полагал, что насквозь видит этого инфантильного хулигана, промышлявшего лишь драками да кадром девчонок, вдруг понял, что, судя по всему, совершенно не знал этого парня.

Уложив в пластиковый контейнер нарезанные фрукты и закинув на плечо стопку новых книг, приготовленных для Бай Си, Шэнь Бай спустился вниз. На перекрестке напротив их квартала он заметил фигуру с руками в карманах и опущенной головой.

Эй, приятель! Пусть у тебя длинные ноги, точеная талия и руки в карманах, но эта пакля крашенных волос на голове и рука на перевязи напрочь убивают даже намек на образ меланхоличного красивого юноши.

Однако на часах едва перевалило за пять утра. Какого черта этот тип приперся сюда так рано?

Шэнь Бай прошел мимо него и бросил короткое:

— За мной.

Это заставило парня удивленно вскинуть голову, а затем снова увязаться следом с сияющей, идиотской и донельзя довольной улыбкой.

— А-Бай, как же рано ты встаешь!

— Угу.

— А-Бай, ты идешь так рано из-за учебы? Я слышал, примерные ученики больше всего любят вставать с петухами и зубрить книжки.

— ...

— А-Бай, ты позавтракал?

— ...Заткнись.

Когда Шэнь Бай уже был готов придушить пристающего попутчика, на дороге впереди показался ожидавшего его Бай Си. Оба парня на мгновение замерли.

— Шэнь Бай, а ты действительно... — тихо произнес Сюэ У, и его голос растаял в воздухе, оставив после себя лишь горькую усмешку на лице.

Бай Си бросил на Сюэ У взгляд — сперва слегка растерянный, но затем на его губах заиграла застенчивая улыбка:

— Староста, Сюэ У, доброе утро.

— Доброе утро.

Шэнь Бай ответил на приветствие. Они с Бай Си по привычке завернули к воротам жилого комплекса, чтобы оставить там рюкзаки. Сюэ У молча наблюдал за их слаженными, автоматическими движениями, не требующими лишних слов, подавляя в душе неприятное чувство неловкости и подспудное ощущение того, что он здесь лишний.

Шэнь Бай обернулся на Сюэ У и, чувствуя легкую досаду, протянул руку:

— Рюкзак.

Сюэ У с удивлением посмотрел на него, снял ношу с плеча и протянул старосте. Шэнь Бай аккуратно сложил его сумку рядом со своей и портфелем Бай Си, после чего они втроем направились к Озеру Полумесяц.

— А-Бай, ты собрался бегать вместе с Бай Си? Ой-ой-ой, я ведь тоже безумно люблю утренние пробежки!

Добравшись до берега, Сюэ У принялся разминаться с видом человека, готового свернуть горы.

Шэнь Бай бросил взгляд на его травмированную ногу:

— Твоя нога еще не зажила, посидишь здесь.

С этими словами он побежал вперед вместе с Бай Си. Сделав пару шагов, Шэнь Бай отчего-то занервничал, обернулся — и точно, Сюэ Уковылял следом за ними.

— Никаких «идти за мной», сиди здесь!

Убедившись, что упрямец наконец послушно замер на месте, Шэнь Бай с легким сердцем продолжил тренировку в компании Бай Си.

Сюэ У примостился у раскидистой ивы, греясь от мысли, что эта забота предназначалась именно ему.

Ох, дерево, дерево... Раньше я никогда не вел себя так жалко.

И никогда еще не был так счастлив.

Кажется... кроме того самого дня.

Того единственного дня, когда существовали только я и он.

Сюз У стоял под ивой, провожая взглядом удаляющуюся пару, и с легкой улыбкой перевел взгляд на покрытую рябью от ветра водную гладь. На душе у него впервые за долгое время царил абсолютное спокойствие.

Это было похоже на сцены из телевизора, где влюбленные парочки в романтические моменты заглядывают друг другу в глаза, и глупышка-девушка наивно спрашивает: а за что ты меня любишь?

«Да понятия не я не имею, просто прусь от тебя, и всё».

«Да он просто хочет тебя трахнуть, дурочка», — бесшумно шевеля губами, издевался Сюз У над доверчивой героиней на экране.

Но однажды он и сам задался этим идиотским вопросом.

Почему именно Шэнь Бай? Почему выбор пал именно на этого человека?

Он вспомнил тот самый первый раз, когда женщина продала его какой-то богатой тетке. В комнате у той было на удивление чисто и красиво. Он лежал на огромной постели, на какой ему прежде никогда не доводилось спать, и сквозь пелену дурмана едва различал силуэт человека над собой, а в ушах стоял тихий напев какой-то песни:

Этот простыней бел, этот город грязен.

С той поры, стоило ему увидеть что-то безупречно белое, в голове невольно всплывала эта фраза:

Этот простыней бел, этот город грязен.

С тех пор он перестал верить в белый цвет.

Белизна равнялась лицемерию, и он предпочел осознанно погрузиться во тьму.

Позже он пошел в старшую школу. Перестав быть мальчиком, чьи желания играют другие, он научился носить напускную, легкомысленную улыбку и брать инициативу в свои руки прежде, чем кто-то успеет воспользоваться им самим.

Конечная цель любого человеческого поступка — это секс.

Таково было мировоззрение Сюэ У. А поскольку мировоззрение определяет методологию, его методология сводилась к простому правилу: вместо того чтобы позволить кому-то подавить себя в постели, он первым делом подчинит себе этого человека.

Поначалу напускная развязность давалась ему не так уж гладко: на лице играла улыбка, но внутри все казалось фальшивым. Однако, как говорится, притворяйся кем-то достаточно долго — и однажды сам станешь им. И вот в один прекрасный день он преуспел. Глядя на мужчин и женщин, что с затуманенными взором падали в его объятия, он с издевкой смеялся над ними, находя это забавным... пока в один прекрасный день веселье не испарилось, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

Белое — это фальшь.

Черное — это ничтожность.

Он был не в состоянии найти хоть что-то, что вызывало бы у него подлинный интерес, однако инерция жизни заставляла его плыть по течению. Ни единого светлого воспоминания, стойвшего того, чтобы его сохранить. Стоя в прокуренной комнате с тяжелой головой, он по-прежнему механически растягивал губы в привычной пренебрежительной ухмылке.

В самый первый день, когда он увидел Шэнь Бая, его мозг словно осветило мятной прохладой. Человек, годами барахтавшийся во тьме, вдруг узрел чистейшую белизну, и та давным-давно забытая строчка песни разом всплыла в затуманенной голове.

Этот простыней бел, этот город грязен.

Он усмехнулся. Ему доводилось встречать слишком много людей в дорогих костюмах и с галстуками, которые улыбались с невероятной учтивостью, а потом срывали с себя те самые галстуки, превращаясь в растрепанных существ с потерянными взглядами.

Белый цвет — это фальшь.

Зачем же рядиться в белое, если внутри ты — непроглядная чернота?

Его показная холодность и воздержание — не более чем способ подогреть интерес.

Ты обманул столько людей, но меня тебе не обмануть.

Сюэ У внезапно загорелся азартом. Он стал крутиться рядом, надеясь разберечь чужие желания точь-в-точь так же, как заигрывал с остальными, сорвать эту лицемерную маску, а потом пожать плечами, пропеть про себя про «белую простыню и грязный город» и уйти восвояси, в очередной раз доказав правоту своей теории.

Но на сей раз мир преподнес ему сюрприз, показав, что его самоуверенность не стоила ломаного гроша.

Он не поддавался — просто потому, что его еще толком не попытались соблазнить. В этом мире не существует кристальной чистоты! Мир сам лично доказывал ему это!

Он заигрывал с ним, провоцировал и следил за каждым его шагом, отчаянно жаждая заполучить хоть какой-нибудь компромат на этого парня. Он верил: рано или поздно этот момент настанет.

И этот день пришел. Он видел, как тот направляется в учительскую. Учитель был из другого потока, Сюэ У видел его всего пару раз, но по одному лишь взгляду на этого типа становилось ясно: у него внутри не душа, а гниющее, пузырящееся болото. На окнах учительской были плотно задернуты шторы, а переступивший порог школьник затворил за собой дверь. С насмешливой ухмылкой подойдя к уединенному углу коридора, он прижался ухом к запертой створке, улавливая малейшие звуки, доносящиеся изнутри.

Тц-ц-ц, какой манерный и целомудренный голосок. Наверняка он сейчас принимает завлекательные позы, чтобы старик наконец взял его.

Ха-ха-ха, а этот старик не промах, любит ролевые игры вроде учитель-ученик. Как же это вписывается в стандарты этого грязного мира!

...

Звуки, долетавшие изнутри, потеряли свою отчетливость, разбившись о толщу дверного полотна, и напоминали те самые обрывки песни, что звучали когда-то давно — одновременно призрачные и пугающе настоящие.

В какой-то момент ему показалось, будто он вспомнил продолжение той песни — вторую половину строки...

Под светом неоновых вывесок ярко сияет звезда.

— Кстати, впредь больше не смей приставать к Бай Си. Можешь считать, что всю ответственность за этот инцидент я полностью взял на себя. И если я еще хоть раз замечу, что ты попытался к нему подкатить... поверь мне, твои рабочие инструменты я сохраню для тебя на веки вечные.

Этот простыней бел, этот город грязен.

Под светом неоновых вывесок ярко сияет звезда.

Напевая под нос эту мелодию, он удалился, а улыбка на его губах становилась всё шире и шире...

Вернувшись, он отыскал в сети название композиции — она называлась «Черные глаза».

Темная ночь подарила мне черные глаза, но я буду искать ими свет.

Песня была невероятно популярна, хотя многие критиковали строчки за несоответствие: разве звезды сияют на неоновых вывесках?

На что исполнитель позже ответил, что однажды увидел в пыльном мире самую яркую на свете звезду.

Знаете... Кажется, я тоже ее отыскал.

Вот только свет этой звезды неизменно освещает кого-то другого.

<http://bllate.org/book/21649/2234198>